

**«МАШИНА ВЛАСТИ»
И АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ***

**Игорь Исаев
Аркадий Корнев
Сергей Липень
Сергей Зенин**

Московский государственный юридический университет,
Москва, Россия

**THE “MACHINE OF POWER”
AND ASPECTS OF POLITICAL BALANCE**

**Igor Isaev
Arkady Kornev
Sergey Lipen
Sergey Zenin**

Moscow State Law University,
Moscow, Russia

This article explores the historical pattern of the evolution of power technologies. The methodological basis relies on the philosophical movements of the twentieth century (phenomenology, structuralism, etc.) and works by P. Bourdieu, C. Lefort, N. Luhmann, D. Naisbitt, P. Sloterdijk, M. Foucault, O. Spann, F. G. Jünger, N. Elias, and a number of other authors. The creation of technologies for managing society and complex power mechanisms (“power machines”) are a general pattern of social development. The notion of dynamic power balance acts as a mandatory attribute of the management of society and focuses political activity on the constant

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–29–16124; в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук на тему: «Парадигма непосредственного народовластия в российском конституционализме» МК-3872.2019.6. См. первую часть публикации [Исаев, Корнев, Липень].

** Citation: Isaev, I., Kornev, A., Lipen, S., Zenin, S. (2020). The “Machine of Power” and Aspects of Political Balance. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 979–992. DOI 10.15826/qr.2020.3.507.

Цитирование: Isaev I., Kornev A., Lipen S., Zenin S. The “Machine of Power” and Aspects of Political Balance // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 979–992. DOI 10.15826/qr.2020.3.507 / Исаев И., Корнев А., Липень С., Зенин С. «Машина власти» и аспекты политического равновесия // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 979–992. DOI 10.15826/qr.2020.3.507.

consideration of numerous phenomena, circumstances, and interests. The state, as the main instrument of political management, seeks to constantly strengthen its power both within and without, and to spread it ever more to new spheres of social relations and territories. But over time, first in the sphere of international law, universal principles are recognised that establish the limits of power and assume the impossibility of strengthening the power of any one state (the idea of political balance of sovereign national states). In domestic politics, the increasing degree of agreement and gradually developing mechanisms of consensus contribute to the reduction of the role played by direct violence and the emergence of a system of institutions that were perceived as legitimate. Previous spontaneous processes and collisions of opposing forces are translated into technical, organisational, normative language – and political dynamics – into static social structures. Chaos and uncertainty are replaced by ideas about the desired ideal and order. The new “power machine” also receives a new justification that is no longer transcendent, but rather rational and technological. Constantly improving and becoming more complex, the “power machine” becomes ever more effective. The “technical” regularities of the organisation and functioning of political power, which determine the new social role of the “power machine”, come to the fore. The state, which is organised into a mechanism with supreme political power and absolute authority, has a decisive influence on the development of society. The transition from a dynastic to a bureaucratic state depersonalises the “power machine”. The figure of a monarch with absolute power dissolves in the hierarchy of numerous officials vested with power. The organisation of power to a large extent separates carriers or subjects of power from their decisions. There is no visible mechanism of power and subordination and the opposite interests of the ruling and the governed. Further, in the twentieth-century industrial revolutions, the “power machine” is forced to adapt to new social realities, i. e. to “network” relations where communication and connections between people and their groups become fundamental. This leads to the creation of new management structures with a plurality of centres.

Keywords: power; state; sovereignty; apparatus of power; machine of power; technology of power.

Исследуются исторические закономерности эволюции властных технологий. Методологической основой представленных рассуждений послужили философские направления XX в. (феноменология, структурализм и др.), работы П. Бурдьё, К. Лефорта, Н. Лумана, Д. Нейсбита, П. Слотердайка, М. Фуко, О. Шпанна, Н. Элиаса, Ф. Юнгера и ряда других авторов. Создание технологий управления обществом и властных сложных механизмов («машин власти») является общей закономерностью социального развития. Понятие динамического властного равновесия выступает в качестве обязательного атрибута управления обществом и ориентирует политическую деятельность на постоянный учет многочисленных явлений, обстоятельств, интересов. Государство как основной инструмент политического управления стремится к усилению своей власти как внутри, так и вовне, ко все большему распространению ее на новые сферы общественных отношений и территории. Но сначала в сфере международного права получают призна-

ние универсальные принципы, устанавливающие пределы власти и предполагающие невозможность усиления и главенства власти какого-то одного государства (идея политического равновесия суверенных национальных государств). Затем во внутренней политике увеличивающаяся степень согласия, постепенно нарабатываемые механизмы консенсуса способствовали снижению роли прямого насилия, появлению системы институтов, которые воспринимались как легитимные. Прежние стихийные процессы и столкновения противоборствующих сил переводились на технический организационный нормативный язык, а политическая динамика – в социальную статику. На смену хаосу и неопределенности приходят идеи о желаемом идеале и порядке. Новая «машина власти» получает и новое, уже не трансцендентное, а рациональное технологическое (в противоположность прежнему теологическому) обоснование. Совершенствуясь и усложняясь, «машина власти» становится все более эффективной. На первый план выходят «технические» закономерности организации и функционирования политической власти, которые обуславливают новую социальную роль «машины власти». Государство, организующееся в обладающий верховной политической властью и безусловным авторитетом механизм, оказывает определяющее влияние на развитие социума. Переход от династического к бюрократическому государству обезличивает «машину власти». Фигура обладающего абсолютной властью монарха растворяется в иерархии наделенных властными полномочиями многочисленных должностных лиц. Организованность власти в значительной степени отделяет носителей, субъектов власти от принимаемых ими решений. Почти не виден механизм власти и подчинения и противоположности интересов правящих и управляемых, характерны трансцендентное единство и целостность власти. В эпоху индустриальных революций XX в. «машина власти» вынуждена приспособливаться к новым социальным реалиям – к «сетевым» отношениям, в условиях которых принципиальными становятся общение, коммуникация, многочисленные взаимосвязи между людьми и их группами. Это приводит к созданию новых форм управленческих структур со множественностью центров.

Ключевые слова: власть; государство; суверенитет; аппарат власти; машина власти; технология власти.

Создание технологий управления обществом и властных механизмов («машин власти») является общей закономерностью социального развития. Возникновение этого феномена обусловлено необходимостью усиления социального контроля, увеличения предсказуемости поведения. Постепенно государство как особое политическое образование на определенном этапе своего становления начинает контролировать властеотношения, именно оно становится самой важной составляющей «мегамашины» власти, объявляет себя защитником общества и требует полного подчинения.

Внутренние механизмы этой «машины» достаточно сложны, очень часто речь не идет только об однонаправленном действии (приказ

властного субъекта – повиновение подвластных), а в качестве обязательного атрибута политического управления рассматривается так называемое «властное равновесие», или «динамическое равновесие», явление, к характеристике которого обращались еще французские просветители XVIII в. (Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо). Общественный договор предполагает, что силы, которые могли бы быть направлены индивидами друг против друга, тем самым отнимаются у них и по праву передаются учреждению, то есть коллективной силе «властителя»: так вводится механизм, более не характеризующийся процессом грубой жизненной конкуренции. Работа создаваемой «машины власти» строится на преодолении сопротивления (природных сил или социальных факторов) для достижения поставленных целей, и в целом техническая организация в значительной степени связана с подавлением сопротивления. Даже «социальная справедливость сводится тогда к приспособлению к механическим закономерностям, которым по воле техники подчиняется человек» [Юнгер, с. 109].

Но замысел, ввиду которого создается властвующая машина, все же неизбежно «употребляет силу закона природы ради некоторой поставленной цели» – в этом заключено настоящее искусство политического [Старобинский, с. 305–308]. В природе всегда существуют действие и реакция, однако гармония вовсе не является их необходимым и неизбежным следствием. Не ограниченные никем внутренние цели – таким был механизм становления суверенного или «полицейского» государства, руководства жестокого и устойчивого, безграничная регламентация, установленная априори. В настоящее же время в идеале формируется некий универсальный принцип, согласно которому никакое государство уже не должно возвышаться над другими с целью восстановить имперское единство.

Политический концепт сообщества может казаться относительно нейтральным, потому что в нем есть нечто от шифра, и он может быть задействован любой из враждующих идеологий и востребован статистической экономической моделью социума. Здесь присущая политической идеологии «свобода от необходимости» скрыта за «мастерской жестокостью, чинимой в околополитической сфере» [Бьюз, с. 102–112].

Но связь между этими механизмами – механизмом неограниченных целей, «полицейским государством», и механизмом ограниченных целей, «европейским балансом», имеет целью и задачей усиление самого государства: каждое государство нацелено на собственное неограниченное усиление [Фуко, с. 74–75].

Новое физическое мировоззрение XVII в., повлиявшее на самые разные сферы существования, в политических и метагосударственных отношениях породило идею политического равновесия (иллюстрацией этого является Вестфальское соглашение), в котором каждое государство определяется как «сила». Движения этих сил, как и сил природы, нейтральны по своему характеру до тех пор, пока им не придается значения с точки зрения каких-либо нравственных

норм или законов. Тогда из «естественного» состояния, неопределенного и неустойчивого, общество переходит в «гражданское состояние», в котором отношения регулируются моральными и нормативными факторами. В сформированном таким образом «моральном мире, аналогичном миру физическому», устанавливающиеся правоотношения обеспечивают желаемое равновесие.

Благодаря эффекту действий и противодействий социальный механизм стабилизируется в некоем динамическом равновесии. Государство, бывшее некогда символом абсолютизма и представлявшее субъекта, заинтересованного в таком представлении («Государство – это я»), – внешнее проявление аппарата, в действительности оно скрывало поле борьбы, в которую обладателю абсолютной власти приходилось вмешиваться, чтобы поддерживать размежевание и напряженность, мобилизуя для этого энергию, порождаемую самим равновесием напряженностей: принцип вечной борьбы, возмущающей поле, воспроизводил структуры и иерархии, составляющие это поле.

Общая система представлений, консенсус, способствует снижению роли прямого насилия и появлению системы институтов, которые воспринимаются как легитимные. Институты фиксируют, «консервируют» прежде стихийные процессы и столкновения противоборствующих сил. Они как бы переводят на технический, организационный язык все аффекты и напряжения, порождаемые социальной жизнью, превращают динамизм политического в статику социального. Беспорядок, создающий неопределенность, заменяется нормативными представлениями о желаемом и необходимом устройстве. «Машина власти» нуждается в восстановлении порядка, обеспечивающего рост ее эффективности, устраняя для этого сбои в своей работе.

Иерархическая структура предполагала наличие некоей высшей трансцендентной инстанции или базовой нормы. Процессы секуляризации происходили параллельно с технологическими нововведениями (и стимулировались ими), теологическая интерпретация истории уступила место силовым идеям технического прогресса.

Сам процесс формирования государства всегда происходил одновременно с формированием поля власти, понимаемого как пространство игры, в пределах которого различные силы борются за власть над государством. Только постепенно «государство вписывается в пространство, которое еще не является тем национальным пространством, которым оно станет впоследствии, но уже представляет собой компетентность верховной власти. В частности, всеобщий сбор налогов вносил свой вклад в объединение территории и формирование действительных (или представляющихся) государств как целостной территории, как реальности, объединенной подчинением одним и тем же обязательствам» [Бурдьё, с. 232].

На своих первых этапах развития промышленная революция была вполне удовлетворена наличной структурой национальных государств

с их суверенитетом. Дальнейшее развитие технического прогресса (и особенно его активизация в периоды мировых войн) потребовало изменения этого базового принципа. Политические структуры вынуждены были следовать за глобалистскими устремлениями техники.

В прежнем пространстве суверенитета власть всегда соединялась с определенной территорией: государство как бы «растекалось» по земной поверхности и отождествлялось с ней, тогда и возникло представление о политическом пространстве как некоей целостной территории. По выражению А. Шателе, «государство появляется как раз в тот момент, когда в системе рождается сила принятия решений... наделенная способностью решать за общество в целом, что есть справедливое и несправедливое, правомерное и неправомерное» [Эллюль, с. 137].

В организованной закрытой системе анонимное знание, управляющее этой системой, вынуждено постоянно обращаться к авторитету, в котором сконцентрирована решимость. Государство же превращает в жизнь свои решения исключительно на основе власти. Когда оно сформировано в достаточно крупный механизм, оно занимает самостоятельную этическую позицию и решительно провозглашает, что есть добро и что – зло [Там же, с. 154]. Но ни о каком нейтралитете государства не могло идти и речи, его морально-этические оценки были сформулированы в действующих законах: отрываясь от общества и противостоя ему, государство свою политику превращает в настоящую политическую технику (это было четко выражено еще Макиавелли). Социальная динамика обуславливается ростом власти, которая представляется нейтральной и индифферентной по отношению к социальному делению, но которая воплощает для господствующих трансцендентность закона и государства, возлагая на последнее задачу по формированию гражданского общества.

Обобщая картины перехода от династического государства к бюрократическому, П. Бурдьё замечает: «Государство (безличное) стало разменной монетой абсолютизма, а король растворился в безличной сети долгого ряда доверителей и лиц, наделенных полномочиями, отвечающих перед вышестоящим лицом, от которого они получают свои полномочия и власть, а приказы, исходящие от него, они ратифицируют и контролируют в процессе их выполнения» [Бурдьё, с. 281].

Представление об изначальной организованности («машина» не может появиться в разобранном неорганизованном состоянии) позволяет скрыть различие субъекта и закона в социальном пространстве, отказываясь связывать происхождение этого пространства с человеческой волей или трансцендентным принципом. Тем самым «организованность стирает следы социального субъекта и... делает невидимым общий антагонизм господства и подчинения... изображая систему операций, дающих определения деятелям и их отношениям». Система возникает как чистая конструкция, общая операция, поддерживающая саму себя [Лефорт, с. 309–310].

Абсолютные монархии доиндустриальной эпохи не были сильными государствами, абсолютизм был формой, с помощью которой слабые государства стремились стать сильными. В условиях индустриальной революции сильное государство должно было обзавестись мощным бюрократическим аппаратом и достаточной степенью социальной легитимности. Экономический рост и бюрократизация госаппарата и управления были параллельными процессами. В сети силовых взаимозависимостей и силовых алгоритмов рождается социальный «аппарат, который можно было бы назвать опасным и даже страшным изобретением, будь это последнее только плодом усилий некоего единственного социального инженера». Однако этот поистине «королевский механизм», дающий полноту власти одному человеку, выступающему в качестве высшего координатора и суверена, формируется постепенно и без всякого плана, в ходе «естественных» социальных процессов [Элиас, с. 168].

Возникновение у центрального правителя в дифференцированном обществе относительно большого пространства решений было связано с тем, что «данный правитель оказывался в точке пересечения социальных противоречий и был способен вести свою игру, используя противоположные интересы и амбиции и тем самым удерживая их в равновесии» [Там же, с. 169].

Техника разрушает иерархию, но не отвергает систему. Система предполагает принуждение, сеть декларирует свободу. Но уже в системе принуждение мотивировано необходимостью как внесистемным фактором и одновременно целью. Трансцендентное формирует целостность. Сеть же осмысленно избегает единства, которое она не желает полагать своей целью. Поэтому важна не сама по себе сеть, то есть готовый продукт и форма, но процесс попадания в нее – общение, создающее связи между людьми и группами людей. Сети возникают, когда люди пытаются изменить общество: «каково бы ни было их дело, цели, верования, каков бы ни был характер движения... всегда, когда люди организуются ради изменения какого-либо аспекта общественной жизни, возникает не бюрократическая, но весьма эффективная форма организационной структуры», где каждый индивидуум в сети представляет собой ее «центр» [Нейсбит, с. 281].

Жиль Делёз полагает, что имеют место две ошибки в логике технологической революции: «Ошибка реформизма или технократии, нацеленных на последовательную и частичную реорганизацию социальных отношений, согласно ритму технических достижений; и ошибка тоталитаризма, стремящегося подчинить тотальному охвату все, что вообще поддается означиванию и подчинению согласно режиму того социального целого, что существует на данный момент. Вот почему технократ – естественный друг диктатора». Революция располагается в зазоре, отделяющем технический прогресс от социального целого и вписывающем сюда свою мечту о перманентной революции [Делёз, с. 76].

Суверенитет современного тоталитарного государства – это властелин как добра, так и зла, жизни и смерти. Справедливо здесь только то, что служит стимулом для самого суверена, будь то народ, или государство, или партия. Власть суверенного государства над политическим обществом или над народом тем более неоспорима, что само государство принимают за политическое общество, или персонафикацию народа. «Следуя внутренней логике понятия “суверенитет”, государство стремится к тоталитаризму: два понятия – “суверенитет” и “абсолютизм” – выкованы на одной наковальне» [Маритен, с. 53–55]. И оба их, как полагал Ж. Маритен, следует выбросить. Позиция небесспорная.

* * *

Каждому обществу свойственна «множественность центров, сцепленных друг с другом». По утверждениям Э. Шилза, трансцендентный центр не может стать известен человеку, если он не обладает неким земным соответствием, находящимся в согласии с земным же центром власти и господства. Легитимация центра достигается согласованием его с некоторыми фундаментальными нормами, присущими космическому или природному порядку либо предписанными верховной трансцендентной властью. Центр через своих функционеров и институты распределяет свой идеал в мире [Шилз, с. 341–360]. Со временем функционирование и нормативность справедливого начинают подменять собой прежние волюнтаристские действия центра: иерархии размываются...

Находящийся в центре правитель – какой бы титул он ни носил – а также и все иные лица, осуществляющие социальную монополию на применение насилия, становились функционерами, входя «в целостную сеть взаимосвязей общества, характеризуемого дифференциацией функций»: их функциональная зависимость от носителей других функций была столь значительной, что получила ясное и четкое выражение в социальной организации. Функциональность породила особую технику власти.

Одновременно росла функциональная зависимость господина от его слуг или подданных, то есть более широких слоев, и это вело к переходу административной власти к ситуации обобществления, то есть к уничтожению централизованной монополии, к децентрализованной и менее ориентированной форме монополии. Так, можно отметить, что на уровне экономической власти главенствующее место стало отводиться уже не субстанционализму земли, а функционализму денег. При этом «крупная централизованная монополия не распадается на множество мелких», но постепенно «превращается в инструмент управления функционально дифференцированного общества в целом, т. е. центральный орган того образования, которое мы называем “государством”» [Элиас, с. 157].

Центральный орган – это всего лишь совокупность функционалов, координаторов и регуляторов общественной жизни, и он не должен был обязательно приобретать определенную административную власть: с прогрессом централизации и ужесточением контроля над всем ходом дел в обществе, осуществляемыми стабильным действующим центром, только укреплялось разделение на правящих и управляемых. Административная власть и пространство решений социального центра на определенном этапе становления оказывались столь значительными, что можно было говорить о господстве находящегося в центре государства [Там же, с. 159].

Но в эпоху модерна при всей централизации власть в самых централизованных институтах начинает разделяться и дифференцироваться в такой мере, что трудно уже однозначно установить, кто здесь правитель, а кто управляемый. Меняется и само «поле решений, связанное с центральными функциями: иногда оно сокращается, отчего, однако, централизация не уменьшается и значение центрального органа не ослабевает. Норберт Элиас замечает, что для центрального органа управления значимы две характеристики: «все функции в рамках сети взаимодействий между людьми и та социальная сила, что всегда связана с данной функцией. То, что мы называем “господством”, в обществе с высоким уровнем дифференциации есть не что иное, как особая социальная сила, которой наделены только определенные функции» [Элиас, с. 159–160]. Определенный механизм взаимодействия может вести как к росту, так и к падению социальной силы центрального органа управления. Таким образом, общество и политическое управление в нем рассматриваются как системы, находящиеся в равновесии.

Формы построения политического мирового пространства часто принимали образ круга или сферы. Имперские власти находили в этих формах свою эстетику. Внешние очертания империи и космоса рождались из круга; по известному выражению Николая Кузанского, «вся теология расположения – в круге». Нововременное политико-государственное мышление восприняло от средневековой метафизики представление о всемогущей трансценденции в форме шара, центр которого везде, а окружность – нигде. Фигура шара («державы») постоянно напоминала не только о его идеальной завершенности, но и о неизменной равноудаленности всех точек его поверхности от центра: напрашивалась аналогия с демократическим мифом о равенстве.

«Равновесие» – термин, обозначающий лишь собственно техническую сторону проблемы: сама история определяет соотношение напряжений, возникающих между крупнейшими институтами и между политическими силами. Термин также указывает на то, что для сохранения состояния неопределенности, исключающего гегемонию какой-нибудь одной силы, эти напряжения должны так или иначе уравновешивать друг друга: «напряжения, имеющие место внутри государства, нетождественны тем силам, которые направлены вовне

и воздействуют на систему отношений между отдельными государствами» [Шпанн, с. 250–251]. Равновесие всегда есть согласие минимум двух сил, движение – результат альтернативного преобладания, эту мысль удачно выразил Элифас Леви: «...сила любит слабость, которая ее поддерживает, добро любит очевидное зло, которое прославляет его... Тот, кто дает – получает, и тот, кто получает – дает: движение – это непрерывный взаимообмен» [Леви, с. 24]. Только теперь это не личный, а безличный, государственный обмен.

Организованность – важнейший принцип техницизма и признак технической системы. Идея организации неразрывно связана с представлением о наличии центра, из которого происходит общественная жизнь и который даже в случае своей миграции из одной ее сферы в другую сохраняет свою роль хранителя власти и знания. «Сеть организаций выявляет, что ничто не теряется в процессе социализации, предполагающем перенос практик в социальном дискурсе вовне, тождество власти самой себе при смене правящих инстанций делает очевидным источник нормы» [Лефорт, с. 310].

Там, где правящая сила исходит из одного центра, для нее не может быть никакого абсолютного внешнего, ни одной потерянной точки, которая могла бы находиться снаружи: центрированное целое подобно черной дыре космоса, оно все втягивает вовнутрь, соотнося любое место в пространстве с собой как центром; так и «тотальность шара» как символ целостности никогда не представляет собой всего лишь неподвижную тотальную глыбу – «она наполнена живым взаимодействием центра и корреспондирующих с ним многочисленных эпицентрических точек... Целое – это то, что обладает способностью тратить и накапливать» [Слотердаик, с. 113–114]. Центр – это ментальный инструмент, позволяющий упростить хаос явлений и восприятий. «Искусственный интеллект облегчит задачу управления сложностью: кибернетическое общество может снизить нашу зависимость от мифологии центра; его интеграция будет обеспечена распределенными системами взаимосвязанных систем коммуникации» [Каспэ, с. 19]: кибернетическое общество, как кажется, в состоянии снять традиционную оппозицию «центр – периферия».

Старые общества были ориентированы строго иерархически, с четким различием центра и периферии. Им соответствовал и мировой порядок, который предусматривал ранговую упорядоченность и центр. Форма дифференциации современного общества потребовала отказаться от этих структурных принципов: новый мир стал представлять собой «коррелят осетевления операций» (Н. Луман). Более старые общества на основе формы своей дифференциации предполагали сложную систему социальных статусов и позиции, поэтому и мир в целом воспринимался ими как комплексная совокупность осязаемых вещей.

Индивидуализм Нового времени и тематизация свободы в XIX в. дали толчок к формированию новых представлений о мировом обще-

стве: современное общество уже способно изменять себя лишь самостоятельно, представляя самодостаточный порядок и без обращения к каким-либо трансцендентным инстанциям [Луман, с. 164].

* * *

Таким образом, резюмируя изложенное, отметим, что понятие динамического, властного равновесия выступает в качестве обязательного атрибута политического управления и предполагает непрерывный учет многочисленных явлений, обстоятельств, интересов, постоянное преодоление сопротивления многочисленных факторов, прежде всего социального характера.

Для «машины власти» характерно целеполагание, направленное на установление порядка и предусматривающее достаточно жесткое руководство и часто безграничную регламентацию. На этапе становления суверенных государств каждое из них формируется как государство «полицейское». При этом формирующейся «машине власти» присуща идеологическая нейтральность; она может быть востребована противоположными идеологическими силами в рамках любой модели социума.

Развитие государственности показывает последовательную смену приоритетов. Сначала формируется некое поле власти, «пространство игры», арена борьбы различных политических сил. Постепенно государство как бы вписывается в пространство, на которое распространяются полномочия верховной власти; так формируется представление о государстве как о целостной территории. Взгляды на политическое пространство суверенного национального государства как на некую целостную территорию являются преобладающими и в эпоху первых промышленных революций вплоть до начала XX в.

Дальнейшее развитие технического прогресса, в особенности его активизация в периоды мировых войн, обусловило и изменения в понимании государственности. На первый план выходят «технические» закономерности организации и функционирования политической власти, которые обуславливают новую социальную роль «машины власти». Государство, организующееся в достаточно крупный механизм, обладающий верховной политической властью и безусловным авторитетом, оказывает определяющее влияние на развитие социума.

Власть формирует систему ценностей. Государство не является морально нейтральным, его морально-этические оценки сформулированы в законах. Власть, воспринимаемая и рационально, и трансцендентно, решающим образом воздействует на социальную динамику, на процессы формирования гражданского общества.

Для политического управления необходим субъект, центр, который через своих представителей и при помощи определенных нормативных структур так или иначе организует общество в соответствии со своими представлениями. Элементы трансцендентности

властного центра обусловлены трансцендентным по необходимости характером политического управления.

Политическое управление предполагает многочисленные взаимосвязи, формирование системы властеотношений. Ее постепенное усложнение, функциональная дифференциация и взаимозависимость структурных подразделений механизма государства со временем обуславливают функциональную зависимость центра (правителя) от аппарата и подвластных ему, что приводит к менее централизованной организации власти.

Тем не менее, власть остается властью, и она продолжает усиливаться. С прогрессом цивилизации и ужесточением контроля над всеми сферами жизни общества увеличиваются и степень управления, и разделение на правящих и управляемых.

Ранее обладание административной властью было необходимостью, в центре властеотношений находилось государство. Централизация власти в эпоху модерна также существует. Но в этих централизованных институтах происходят процессы разделения и дифференциации власти, и уже трудно однозначно разграничить субъект и объект управления. Общество, таким образом, и политическое управление в нем в современном мире уже могут рассматриваться в качестве уравновешенной системы.

Для указания на состояние политического равновесия в истории идей неоднократно использовался образ круга или сферы. Фигура шара с его равноудаленностью всех точек его поверхности от центра в целом соотносится с демократической идеей равенства и в какой-то степени служит основанием легитимности этой идеи. Равновесие предполагает состояние неопределенности в соотношении основных политических сил; для недопустимости верховенства одной из них напряжения, существующие между ними, должны уравновешивать друг друга.

Важнейший принцип технологии управления – организованность, системность, наличие центра, который моделирует общественную жизнь и даже в сетевом обществе выполняет функции постоянного воспроизводства и преемственности власти. Безусловно, центр рассматривается в рамках системы, целого, в многочисленных взаимодействиях через системы коммуникации; таким образом происходит упорядочивание явлений общественной жизни.

Список литературы

Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.

Бьюз Т. Цинизм и постмодерн / пер. с англ. С. А. Зеленского. М. : Книж. дом «Университет», 2016. 270 с. (Напечатано с издания: *Bewes T. Cynicism and Postmodernity.* L. ; N. Y. : Verso, 1997. 248 p.).

Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. Я. Свицкого ; науч. ред. А. Б. Толстов. М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с. (Напечатано с издания: *Deleuze G. Logique du sens.* Paris : Minuit, 1969. 392 p.).

Исаев И., Корнев А., Липень С. Эволюция властных технологий: начало // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 589–598. DOI 10.15826/qr.2019.2.395.

Каспэ С. И. Центры и иерархии : пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М. : Моск. школа полит. исслед., 2008. 320 с.

Леви Э. Учение и ритуал. М. : ЭКСМО, 2004. 702 с.

Лефорт К. Формы истории. Очерки политической антропологии / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2007. 339 с. (Напечатано с издания: *Lefort C. Les Formes de l'histoire. Essais d'anthropologie politique*. Paris : Gallimard : Folio Essais, 2000. 329 p.).

Луман Н. Общество общества / пер. с нем. А. Антоновского. М. : Логос, 2004. Т. 1. Общество как социальная система. 232 с. (Напечатано с издания: *Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt a/M : Suhrkamp Verlag, 1997. Bd. 1. Gesellschaft als soziales System. S. 11–189).

Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. М. : Идея-Пресс, 2000. 196 с. (Напечатано с издания: *Maritain J. Man and the State*. Chicago : Phoenix Books ; The Univ. of Chicago Press, 1956. 219 p.).

Найсбитт Д. Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ ; Ермак, 2003. 380 с. (Напечатано с издания: *Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives*. N. Y. : Warner Books, 1982. 290 p.).

Слотердайк П. Сферы : Макросферология : в 3 т. / пер. с нем. К. В. Лоцевского. СПб. : Наука, 2007. Т. 2. Глобусы. 1024 с. (Напечатано с издания: *Sloterdijk P. Sphären. Makrosphärologie : 3 Bände*. Frankfurt a/M : Suhrkamp Verlag, 1999. Bd. 2. Globen. 1013 S.).

Старобинский Ж. Действие и реакция: жизнь и приключения одной пары / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб. : Владимир Даль : Культур. инициатива, 2008. 465 с. (Напечатано с издания: *Starobinski J. Action et Réaction. Vie et aventures d'un couple*. Paris : Éd. du Seuil, 1999. 458 p.).

Фуко М. Рождение биополитики : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука, 2010. 448 с. (Напечатано с издания: *Foucault M. Naissance de la biopolitique (1978–1979)*. Paris : EHESS, Gallimard, Le Seuil, coll. «Hautes études», 2004. 355 p.).

Шилз Э. Общество и общества : макросоциологический подход // Американская социология : Перспективы, проблемы, методы / под ред. Т. Парсонса ; пер. с англ. В. В. Воронина, Е. В. Зиньковского. М. : Прогресс, 1972. С. 341–360. (Напечатано с издания: *American Sociology: Perspectives, Problems, Methods* / ed. by T. Parsons. N. Y. ; L. : Basic Books, 1968. 346 p.).

Шпанн О. Философия истории / пер. с нем. К. В. Лоцевского. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 484 с. (Напечатано с издания: *Spann O. Geschichtsphilosophie*. Graz : Akademische Druck- U. Verlagsanstalt, 1970. 422 S.).

Элиас Н. О процессе цивилизации : Социогенетические и психогенетические исследования / в 2 т. М. ; СПб. : Университет. кн., 2001. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. 380 с. (Напечатано с издания: *Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen : 2 Bände*. Basel : Haus zum Falken, 1939. Bd. 2. Wandlungen der Gesellschaft Entwurf zu einer Theorie der Zivilisation. 490 S.).

Эллюль Ж. Политическая иллюзия / под общ. ред. В. И. Даниленко ; пер. с фр. В. В. Лазарева. М. : Nota bene, 2002. 430 с. (Напечатано с издания: *Ellul J. L'illusion politique*. Paris : Robert Laffont, 1965. 265 p.).

Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность / пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб. : Владимир Даль, 2002. 564 с. (Напечатано с издания: *Jünger F. G. Die Perfektion der Technik*. Frankfurt a/M : V. Klostermann, 1968. 370 S.).

References

Bewes, T. (2016). *Tsinizm i postmodern* [Cynicism and Postmodernity] / transl. by S. A. Zelenskii. Moscow, Knizhnyi dom "Universitet". 270 p.

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The Sociology of Social Space] / ed. transl. by N. A. Shmatko. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii, St Petersburg, Aleteiya. 288 p.

Deleuze, G. (1998). *Logika smysla* [The Logic of Sense] / transl. by Ya. Ya. Svirskii, A. B. Tolstov. Moscow, Raritet, Yekaterinburg, Delovaya kniga. 480 p.

Elias, N. (2001). *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneti-cheskie issledovaniya v 2 t.* [On the Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. 2 Vols.]. Moscow, St Petersburg, Universitetskaya kniga. Vol. 2. *Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii tsivilizatsii* 380 p.

Ellul, J. (2002). *Politicheskaya illyuziya* [Political Illusion] / ed. by V. I. Danilenko, transl. by V. V. Lazarev. Moscow, Nota bene. 430 p.

Foucault, M. (2010). *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France (1978–1979)] / transl. by A. V. D'yakov. St Petersburg, Nauka. 448 p.

Isaev, I., Kornev, A., Lipen, S. (2019). Evolyutsiya vlastnykh tekhnologii: nachalo [The Evolution of Power Technologies: The Beginning]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 2, pp. 589–598. DOI 10.15826/qr.2019.2.395.

Jünger, F. G. (2002). *Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost'* [The Perfection of Technology] / transl. by I. P. Streblova. St Petersburg, Vladimir Dal'. 564 p.

Kaspe, S. I. (2008). *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 320 p.

Lefort, C. (2007). *Formy istorii. Ocherki politicheskoi antropologii* [Forms of History. Essays on Political Anthropology] / transl. by V. Yu. Bystrov. St Petersburg, Nauka. 339 p.

Lévi, É. (2004). *Uchenie i ritual* [Teaching and Ritual]. Moscow, EKSMO. 702 p.

Luhmann, N. (2004). *Obshchestvo obshchestva. T. I. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [The Society of Society] / transl. by A. Antonovskii. Moscow, Logos. 232 p.

Maritain, J. (2000). *Chelovek i gosudarstvo* [Man and the State] / transl. by T. Lifintseva. Moscow, Ideya-Press. 196 p.

Naisbitt, D. (2003). *Megatrendy* [Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives] / transl. by M. B. Levin. Moscow, AST, Ermak. 380 p.

Shils, E. (1972). *Obshchestvo i obshchestva: makrosotsiologicheskii podkhod* [Society and Societies: A Macrosociological Approach]. In Parsons, T. (Ed.). *Amerikanskaya sotsiologiya. Perspektivy, problemy, metody* / transl. by V. V. Voronin, E. V. Zin'kovskii. Moscow, Progress, pp. 341–360.

Sloterdijk, P. (2007). *Sfery: Makrosferologiya v 3 t.* [Spheres. Macrospherology. 3 Vols.] / transl. by K. V. Loshchevskii. St Petersburg, Nauka. Vol. 2. *Globusy*. 1024 p.

Spann, O. (2005). *Filosofiya istorii* [The Philosophy of History] / transl. by K. V. Loshchevskii. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 484 p.

Starobinski, J. (2008). *Deistvie i reaktsiya: zhizn' i priklyucheniya odnoi pary* [Action and Reaction: The Life and Adventures of a Pair] / transl. by A. V. Shestakov. St Petersburg, Vladimir Dal', Kul'turnaya initsiativa. 465 p.

The article was submitted on 01.12.2019